

Смыв с себя дорожную пыль и сырость, он переоделся в сухую одежду. Его длинные пальцы скользили по воротнику снизу вверх, застёгивая пуговицу за пуговицей. В движении сквозила некоторая леность, но две верхние пуговицы он оставил расстёгнутыми, обнажая чёткую линию белых, красивых ключиц, которые смутно угадывались во влажном воздухе.

Стоило ему переступить порог ванной, как раздался своевременный стук в дверь. Он повернулся, распахнул её и нос к носу столкнулся с Суй Юньлином, стоявшем на пороге.

В руке Суй Юньлин держал бутылочку тёплого молока, а на лице играло мягкое выражение. Он уже собирался заговорить:

— Я подумал, что ты, наверное, ещё не спишь...

Но слова оборвались на полуслове, стоило ему разглядеть внешний вид парня. Его взгляд скользнул по нему, словно обжёгшись о что-то раскалённое, и резко отскочил в сторону. Дыхание Суй Юньлина на миг перехватило, кадык судорожно дёрнулся.

С некоторым смущением отвернувшись, он рассеянно уставился в угол коридора и протянул вперёд молоко, а голос его звучал чуть глуше и ниже, чем прежде:

— Перед сном... выпей немного молока.

Лу Чихэн поднял на него взгляд.

На столь близком расстоянии он отчетливо видел, что мочки ушей у собеседника покраснели, словно спелые зёрна граната, готовые лопнуть, а под тонкой кожей проступала сеточка мельчайших капилляров.

При этом сам Суй Юньлин по-прежнему был облачён в застёгнутую на все пуговицы, аккуратную рубашку — воротник поднят до самого верха, всё безупречно и строго. Одевание скрывало половину кадыка, излучая благопристойность и атмосферу почти фанатичной строгости и воздержания.

Глядя на этот вид собеседника, Лу Чихэн неожиданно почувствовал лёгкий прилив интереса.

Уголки его губ против воли изогнулись, расплываясь в дерзкой и многозначительной ухмылке.

Он протянул руку и принял бутылочку теплого молока, но пальцы не отнял. Напротив, он воспользовался моментом и крепко обхватил запястье Суй Юньлина, через которое тот передавал молоко.

Лу Чихэн подался вперёд, расстояние между ними мгновенно сократилось.

Через запястье передавалось тепло ладони, пульс Суй Юньлина участился. В нос ударил тонкий, едва уловимый аромат геля для душа. Переведя взгляд, Суй Юньлин упсался глазами в белую кожу на шее Лу Чихэна, где едва заметно вздувались вены, а сексуальный кадык выглядел невероятно соблазнительно.

А сам Лу Чихэн улыбался — открыто, дерзко, всю наслаждаясь моментом.

В следующую секунду его длинные пальцы неторопливо потянулись вперёд и указательным пальцем поддели самую верхнюю пуговицу на чужом вороте, расстегивая её.

Суй Юньлин отреагировал бурно: инстинктивно шагнув назад, он вскинул руку и схватился за воротник. Случайно задев чужую руку и словно обжегшись, он тут же разжал пальцы, а румянец с кончиков ушей пополз вниз по шее.

Лу Чихэн с невозмутимым видом наслаждался его паникой, не удержался от смешка, ткнул пальцем в область ключиц и протянул с ленивой интонацией:

— Старый сухарь, разве тут есть что-то такое, на что нельзя посмотреть?

Суй Юньлин слегка поджал губы и тихо бросил: «Я тоже пойду спать», после чего поспешно развернулся и чуть суетливо ушёл к себе.

Взгляд Лу Чихэна следовал за его спиной до тех пор, пока та окончательно не скрылась, и лишь тогда он неторопливо отвёл глаза.

Мягкая, едва заметная улыбка ещё долго не сходила с его губ. Спустя мгновение в горле kloконул тихий смешок, и он тоже повернулся, направляясь в свою комнату.

Стоявшая на столе бутылочка молока ещё сохраняла тепло. Её стенки приятно грели ладонь, а разливающееся по венам и меридианам тепло было подобно весеннему таянию льда — оно струилось ручейками, исподволь наполняя силой всё тело.

Он зажал в зубах трубочку, уверенно проткнул фольгу и сделал пару глотков. Температура оказалась в самый раз, густой молочный вкус мгновенно заполнил рот и покатился по горлу, даруя невероятное чувство комфорта.

Допив молоко, он навзничь рухнул на кровать, прикрыв глаза и бесцельно уставившись в гладкий белый потолок. Неизвестно когда сознание погрузилось в темноту, и он снова провалился в сон.

Давно забытый сон навалился на него с удушающей жарой, бесцеремонно беря в тиски.

В сновидении бушевало море огня. Пламя, словно бесчисленные дикие змеи, извивалось,

высовывая багровые языки, и свирепо взмывало вверх, дюйм за дюймом опутывая и пожирая его.

Он пятился шаг за шагом, охваченный паникой, но оглянувшись, с ужасом понял, что пути назад давно отрезаны стихией. Огонь напоминал тюремную клетку, а удушающая жара сдавливала горло.

В тот момент, когда он уже был готов согнуться в этом пламени, знакомый и словно доносящийся из иной жизни голос пробился сквозь слои искривленных огненных стен и отчётливо зазвучал у него в ушах:

— А Ван!

— А Ван... не бойся... дай мне руку...

В следующую секунду расплывчатый силуэт наотмашь прорвался сквозь густую завесу огня, неся с собой волну палящего зхара, и внезапно возник прямо перед ним. Следом крепкая, изобилующая сильными суставами и необычайно тёплая ладонь мёртвой хваткой вцепилась ему в запястье.

Языки пламени лизали кожу, жар обжигал плоть. Поддавшись чужой силе, он побежал вперёд. Он изо всех сил таращил слезящиеся от боли глаза, пытаясь сквозь пелену дыма и искажённые потоки горячего воздуха разглядеть лицо спасителя, но зрение выхватывало лишь хаотичные, размытые световые пятна.

В этот самый момент над головой раздался пронзительный треск, и огромный кусок обломков вперемешку с пылью рухнул вниз, угодив прямо в широкие плечи бегущего впереди человека.

Лу Чихэн с ужасом поднял глаза: потолок над ними сыпался на глазах, дневной свет потоком хлынул через уродливый пролом, и практически в тот же миг ещё более массивный валун со грохотом обрушился прямо между ними!

Инстинктивно отпрянув назад, он не успел защититься — сыпавшиеся сверху обломки со страшной силой врезались ему в голову!

Взрыв острой боли, и мир вокруг погрузился в абсолютную, мёртвую темноту. С трудом разлепив тяжёлые веки, он увидел перед собой лишь унылую монохромную белизну.

Потолок.

Он инстинктивно оперся на локти, тяжело вздымая грудь. Из горла вырывалось хриплое дыхание, а по вискам градом катился холодный пот.

Еще не отойдя от пережитого шока, его мысли всё ещё блуждали среди пепелища кошмара,

никак не желая возвращаться в реальность.

Прошло немало времени, прежде чем бешено колотящееся сердце наконец немного успокоилось. Мысли прояснились, и зов, прорвавшийся сквозь бушующее пламя, отчётливо зазвучал в памяти.

Тепло и сила в том голосе удивительным образом совпали со словами Суй Юньлина, назвавшего его по имени.

А Ван. Почему именно А Ван?

Лу Чихэн был практически уверен, что у него действительно было такое имя, но сколько бы он ни рылся в самых дальних уголках памяти, не удавалось обнаружить ни единого следа, связанного с ним.

Лу Чихэн с детства отличался ранним развитием, сдержанностью в эмоциях и страдал гипермнезией.

Это крайне редкий медицинский феномен, разновидность неизбирательной памяти, главная особенность которой заключается в том, что мозг обладает автоматической системой запоминания.

Будь то сущая мелочь вроде промелькнувшей цифры или грандиозное событие вроде врезавшегося в душу потрясения — абсолютно все детали мёртвой хваткой запечатывались в глубинном сознании, никогда не блекнув и не стираясь.

Когда-то он жестоко мучился из-за этого: и радость, и боль стояли перед глазами во всей полноте, врезаясь в память благодаря этой невозможности стереть воспоминания.

К счастью, после долгих терзаний он всё же смог достичь хрупкого примирения с этими оковами, даже обратив их себе на пользу.

Окончив полицейскую академию, он получил серьёзное назначение в отдел по борьбе с наркотиками управления общественной безопасности Города Шэньчжоу.

Однако поворот судьбы настиг его врасплох: в двадцать три года, после череды непредвиденных событий, он бесследно утратил память за целый год.

Точкой отсчёта в той драме стало пробуждение на больничной койке.

Пробелы в памяти начинались с того дня за окном бушевал и завывал тайфун, а крупные капли дождя яростно барабанили по оконному стеклу, издавая глухие, непрекращающиеся шлепки.

В тесной палате густой и резкий запах лекарств словно сковал воздух, время от времени разбавляемый холодным, размеренным писком медицинского монитора.

Он с трудом попытался сглотнуть с пересохших и слипшихся губ, горло пересохло. Чувства возвращались медленно, и первое, что ощутили его кончики пальцев, была слишком отчётливая мягкость простыни.

Сначала зрение представляло собой сплошное размытое пятно, но постепенно картинка сфокусировалась: холодный штатив для капельниц, удушающе-однотонные белые стены и бледный потолок, символизирующий спасение от смерти, врезались в глаза. Следом в палату ворвались обеспокоенные врачи с торопливой поступью.

Пробуждение от долгой комы сопровождалось абсолютной пустотой длиной в целый год.

Говорили, что он получил сильнейший удар по голове и несколько дней находился без сознания, что и привело к амнезии. Оглядывая собственное тело, которое ещё не до конца исцелилось, он замечал повсюду ссадины, синяки и ушибы разной степени тяжести.

Его охватило жуткое недоумение.

Как он получил такие серьёзные травмы? Что произошло за тот год, стёршийся из памяти?

Однако стоило ему невзначай завести разговор с коллегами, как в ответ он неизменно видел лишь бегающие глаза, неловкое молчание и недосказанность.

Следующие три года он продолжал работать в управлении общественной безопасности Города Шэньчжоу, но одержимость идеей вернуть утраченное исподволь крепла и грызла изнутри.

Раньше он пытался осторожно прощупать почву в беседах с коллегами, а по ночам в одиночестве яростно колотил себя по вискам, надеясь пробудить болью следы воспоминаний. Но как бы он ни старался, та пустошь в памяти оставалась мёртвой и бесплодной, на ней не росло ни травинки.

И всё же вчерашний сон оказался до того реальным, что у него замирало сердце: каждое пляшущее языком пламя, каждый обжигающий вздох воздуха, тот крик, пронзивший море огня, и сила чужой ладони — всё это несло в себе пугающе знакомые до мозга костей нотки.

Столь сильные ощущения не позволяли сомневаться: это был не обычный сон, а кусочек его потерянной памяти.

И хотя лицо человека, бросившегося в огонь не раздумывая, скрывалось за пеплом и дымом, сливаясь в хаотичное световое пятно, нежный и полный отчаяния голос, широкие плечи, узкая талия и исполненный силы силуэт после пробуждения точь-в-точь наложились на реальный образ Суй Юньлина.

Был ли тот человек в огне самим Суй Юньлином или кем-то другим, Лу Чихэн теперь знал наверняка: раз Суй Юньлин назвал его А Ваном, тот непременно что-то знал.

За окном буря наконец утихла. Полуденное солнце растеряло свою свирепость, сделавшись мягким и ласковым, то и дело появляясь из-за редких полупрозрачных облаков. Дождевые потёки, ещё недавно змейками бежавшие по стеклу, теперь высохли, оставив после себя лишь тончайший налёт пыли, туманным вуалем затянувший оконную раму.

Лу Чихэн неторопливо приподнялся, обулся и вышел из комнаты.

В гостиной царило залитое светом утро. Распахнутые панорамные окна впускали чистое послегрозное сияние, наполняя пространство прозрачной белизной, где была видна каждая пылинка.

Густой аромат еды тонкими нитями плыл по тёплому воздуху, понемногу проникая в нос. Проследив за источником запаха, он перевёл взгляд на центр обеденного стола.

<http://bllate.org/book/28133/3402632>